

DOI: 10.15393/j9.art.2012.355

Наталья Петровна Видмарович

*доктор филологических наук,
ординарный профессор кафедры русского языка,
Отделение восточнославянских языков и литератур,
Загребский университет
(Загреб, Хорватия)
natalija.vidmarovic@ffzg.hr*

ДЕРЗОСТЬ И ДЕРЗНОВЕНИЕ В ПРАВЕДНИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ Н. С. ЛЕСКОВА: ХРИСТИАНСКИЙ АСПЕКТ ОСМЫСЛЕНИЯ

Аннотация. Вопрос о часто смешиваемых понятиях *дерзновения* и *дерзости* святоотеческая литература связывает со смещением представления о добродетелях и пороках. В контексте добродетельности и греховности эти понятия анализируются в двух рассказах из праведнического цикла Н. С. Лескова — *Одному и Пигмей*, в которых они являются определяющими в истолковании служебного долга. Герои произведений Лескова не только проявляют христианское милосердие, но и своей жизнью демонстрируют удивительный пример христианского отношения к служебному долгу, превращающего любую службу в служение, требующее подлинного дерзновения. Выбор между актом правосудия и актом милосердия, таким образом, становится выбором между буквой и духом закона, вытекающими из законничества и законности — так, как это понимается в евангельском смысле. В контексте двух подходов к справедливости затрагивается также вопрос о царском служении в эпоху Николая I.

Ключевые слова: дерзость, дерзновение, долг, измена, власть, праведник, полицейский

Мысль Н. О. Лосского о том, что «основное свойство русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра Царства Божия и смысла жизни...» [4, 332], наилучшим образом иллюстрируют герои многих произведений Н. С. Лескова. В уникальной галерее его образов во всей полноте отразилась способность писателя видеть в человеке то «трудноуловимое, мерцательное в смыслах»¹, что точнее всего выражается определением «лесковский человек» — «человек русской земли»². Вслед за писателем можно сказать, что люди эти «удивительные и даже невероятные»³, порой окутанные легендарной молвой, выделяющиеся из окружения, но нередко неприметные в общей массе людских характеров. Однако они «становятся еще более невероятными, когда удается снять с них этот налет и увидеть их во всей их святой простоте» (135—136).

«У нас не переводились, да и не переведутся праведные, — писал Н. С. Лесков в рассказе “Кадетский монастырь”. — Их только не за-

мечают, а если стать присматриваться — они есть» (46). Более того, они есть даже «из людей служилых, зависимых, коим соблюсти правоту труднее» (46). В нашем примере — из полицейских служащих, занимающих положение, в обыденном сознании не связывающееся с возможностью проявления акта христианского милосердия. И тем не менее герои Лескова не только его проявляют, но и своей жизнью демонстрируют удивительный пример христианского отношения к служебному долгу, превращающего любую службу в служение, требующее подлинного дерзновения.

«Вопреки точному смыслу христианской веры, — пишет Е. Трубецкой, — которая требует, чтобы Бог для верующего был всем во всем, чтобы Ему подчинялись все сферы жизни — для государства устанавливается исключение из этого общего правила. <...> ...В области частной жизни человек признает для себя обязательными заповеди любви к Богу и к ближнему, но в области государственной он исповедует полное практическое безбожие и человеконенавистничество» [7, 297].

Такое разделение религиозного и гражданского начал отсутствует в жизни главных героев рассказов «Однудум» и «Пигмей»: уже сами названия указывают на очевидную неординарность их поведения по отношению к окружению. В Солигаличе, например, где служит квартальным Александр Рыжов, действует неписанный и гибкий закон, толкуемый городничим словами поговорки «закон — что конь: куда надо — туда и вороти его» (12). Но поскольку городничий, по понятиям того времени, являлся третьим лицом в государстве после императора и губернатора, то категорический отказ Рыжова, живущего по закону «в поте лица твоего ешь хлеб твой» (12), — брать взятки или, говоря чиновничьим языком, *донимать* «с тех, которые обращались к нему за чем-нибудь «по касающемуся делу»» (11), выглядит не просто чудачеством или «масонской новостью», но и прямым уклонением от гражданских обязанностей. По сути противление Рыжова дерзости — обкрадыванию государственной казны — воспринимается должностными лицами Солигалича как дерзость в смысле отказа от общепринятой практики взяточничества.

Попытку нового квартального восстановить стершуюся границу между пониманием службы как долга или как источника получения мзды, при сохранении определенной видимости цельности жизни, общество Солигалича объясняет смешением им обязанностей монашеских с гражданскими. Объясняя этот феномен, чиновник в докладе к приехавшему в город генерал губернатору Ланскому укажет на чрезмерное увлечение Рыжова Библией, которую «не всякому честь пристойно: в иночестве от нее страсть мечется, а у мирских людей ум мешается» (29).

Со Священным Писанием, как «лучшим и совершеннейшим способом, которым Бог познается» [5, 777], «имевшим на него неоценимое влияние» (7), Рыжов действительно никогда не расставался, не только выверяя по нему свои собственные и чужие поступки, но и всю свою жизнь выстраивая согласно библейским принципам: это в условиях постепенного нарушения единства жизни в Боге, а затем и нарождающегося безбожия в глазах общества не могло не звучать и вызовом, и дерзостью.

Не покидая родного Солигалича, Рыжов в совершенстве постигает умение искать Бога там, где живет, как и сказал в свое время Тихон Задонский:

...тамо ищи, где находишися и живеши. Бог на всяком месте присутствует, и нет такого места, где бы Бога не было; везде есть и вся исполняет [5, 772].

Потому и на полуугрозу генерала Ланского в конце рассказа, уязвленного слишком откровенным упреком Рыжова в отсутствии у генерала смирения, он отвечает:

Куда меня можно сослать, где бы мне было хуже и где бы Бог мой оставил меня? Он везде со мною, а кроме Его никого не страшно (32).

Сожаление, с которым он смотрит при этом на генерала (особо выделенное в тексте Лесковым), — это искреннее сожаление о человеке, облеченном властью и одновременно страдающем ущербно-стью сознания ее духовной значимости.

Следует обратить внимание, что автор говорит об *удовольствии*, которое для Рыжова «состояло в исполнении своего долга» (18), поскольку, как нам представляется, это слово здесь употребляется отнюдь не в значении «радости, довольства от приятных ощущений»⁴ или же того, «что вызывает, создает такое чувство»⁵, как приводят современные словари, но скорее в древнем значении «пригодности (к какому-л. делу)» [6, 370]. Это подтверждается и своеобразной самооценкой Рыжова, испросившего место умершего квартального и позднее в разговоре с генералом Ланским заметившего, что иной должности для себя не желает, поскольку эту никто лучше его не справит, очевидно, подразумевая полное соответствие своему месту.

Смысл же пребывания на своем месте и делания своего дела означает для Рыжова исполнение воли Божьей, следование которой как раз и исключает поиски чести, славы, богатства и «прочих угодий» [5, 771] (т. е. удовольствий в обычном значении слова), от чего необходимо «сердце испразднить, чтобы в нем место было Богу — вечному Добру с любовью Его святою» [5, 771].

По этой причине знаменательное происшествие, представляющее центр повествования, в котором Рыжов оставил «по себе память героическую и почти баснословную» (20), имело для разных

людей и разный смысл. В глазах большинства он возвысился благодаря неожиданному исходу своего отчаянного поступка, расцененного как неслыханная дерзость, которой, однако, он непонятным образом сумел привести его превосходительство в благорасположение. И лишь для немногих Рыжов стал человеком, в первую очередь прославившим принципы христианского устройства жизни: это было отмечено и губернатором Ланским, который, в отличие от характеристики, даваемой Рыжову другими — «отчаянный», «такой некий этакой», «еретик», сказал: «...характер ваш почтенен» (32). Не случайно ведь, как многозначительно замечает Лесков, ожидаемый сановник, «имел сильный ум и надменной фигуру», и такая краткая характеристика верна и вполне достаточна для представления, какое нужно иметь о нем нашему читателю» (19). Можно было в губернаторе видеть одну только «надменную фигуру» — и тогда все усилия снискать ее расположение сводились к «грандиозной суете, которой работали не только все младшие начальства и власти, но даже и чернь, и четвероногие скоты» (21). Рыжов — единственный человек, который сумел за «надменной фигурой» прибывшего в город генерала увидеть как раз «сильный ум», подобно тому, как Ланской, отметив поначалу в Рыжове *дерзость* (непочтительность), впоследствии смог рассмотреть и *дерзновение* (бесстрашие и надеяние в смысле отсутствия безрассудного страха и полагание во всем на волю Божью⁶).

Это последнее, проявившееся у Рыжова и как смирение, позволило ему обрести еще одну удивительную способность, также истолкованную различно. В «Поучении в неделю о слепорожденном» Игнатий Брянчанинов, разъясняя слова Христа «На суд Аз в мир сей приидох, да невидящие видят, и видящие слепи будут» (Ин. 9:39), говорит, что «Видение гордых есть ужасная слепота; а невидение смиренных есть способность к видению Истины» [1]. Другими словами, смиренномудрие (невидение смиренных, духовная нищета) делает человека восприимчивым к Богу. Эта восприимчивость, видение истины у Рыжова проявляются в его способности, как он сам говорит, *выводить* по Библии, «что ясно следует» (31). Однако и этого генерал не сумел сразу понять, назвав умозаключения Рыжова «пророчествованием», само помышление о чем Рыжов посчитал бы невероятной дерзостью.

Пророчеством Григорий Богослов называет «проповедь о сокровенном» [2, 379]. Слова же Лескова о принятии юным Рыжовым «посвящения» после того, как тот «дождался духа, давшего ему мысль самому сделаться крепким, дабы устыдить крепчайших» (9), следует, на наш взгляд, понимать иначе. Выводить, т. е. давать оценку «любому волеизъявлению человека... через Святое Писание» [8, 332] и соответственно делать умозаключения о поступках людей на-

стоящего времени на основании уже состоявшейся оценки деяний ветхозаветных лиц [8, 332] было бы невозможным без той трезвости, которая, как многократно подчеркивает Лесков, отличала характер Рыжова. А ведь именно духовная трезвость, по замечанию Зеньковского, высоко ценится «в религиозном сознании русских людей» [3, 43], будучи одинаково чуждающейся «как религиозной мечтательности, так и впадению в “прелесть” через власть воображения» [3, 43]. Никого Рыжов не поучал на протяжении всего повествования, никому и никогда не сообщал своих взглядов, но, принося в церкви покаяние, в собственных размышлениях «отчитывался Единому, в Кого неизменно и крепко верил» (18). Все внимание сосредоточивает автор не на внешних событиях в жизни Рыжова, но на результатах проявления работы Духа, показывая, как по мере глубины познания Бога возрастает и усердие в Его поисках и следовании Ему [5, 774]. Его формирование как «полумистика, полуагитатора в библейском духе» (9), дышавшего «любовью и дерзновени ем» (9), способного «выводить», свидетельствует о том, что через букву Рыжов сумел проникнуться духом библейского слова, осознав, что все иные источники «нечисты и полны суетности» (32) — добавим: и потому дерзки. По сути, и весь план жизни Рыжова точно так же «выводим», ибо трагический исход тех, кто уклоняется от пути правды, раскрыт в пророчествах Исайи, которого так любил читать Рыжов, и пространная цитата из которого помещается в самом начале рассказа:

Что ми множество жертв ваших: тука агнцов и крови юниц и козлов не хошу. Не приходите явитися ми. <...> Егда прострете руки ваши ко мне, отвращу очи мои от вас, и аще умножите моления, — не услышу вас. Измойтесь, отимите лукавство от душ ваших. Научитесь добро творити, и приидите истяжемся, и аще будут грехи ваши яко багряное — убелю их яко снег (Ис. 1:11—24)⁷.

Времена, описываемые Н. С. Лесковым в рассказе «Однодум», не столь отдаленные, характеризуются им тем не менее «глубоко провалившимися» (21), тем более что люди, «дочитавшиеся до Христа» и считавшиеся по общему суждению чудесящими, никому не вредными полуюродивыми, спустя несколько десятилетий получили иную оценку. Совершавшееся разрушение цельности жизни в Боге на фоне всеобщего «оффенбаховского настроения» (22), из перспективы уже лесковского времени, обнаруживало себя в «чрезмерном усилении в нашем обществе холодного и бесстрастного эгоизма и безучастия» (34). По крайней мере, так скажет повествователь в первых строках рассказа «Пигмей», добавив, что «никто ничего не хочет сделать для человека, если не чаёт от этого себе выгоды» (34). Возможно, по этой причине чуть ли не пророком видится несчастному французу, приговоренному к наказанию плетьюми, и главный герой «Пигмея», тоже полицейский служащий, движимый необъяснимым «здравому разуму» желанием помочь осужденному.

В рассказе нет сведений о жизни героя, кроме упоминания о нем как о мелкопоместном дворянине; ничего не говорится и о том, насколько следовал он библейским принципам в своей жизни в целом. Однако мы об этом можем делать вполне определенный вывод, поскольку «Решившийся жить, как следует, — по словам Феофана Затворника, — тотчас узнает дурное, в каком бы виде оно ни проявлялось»⁸. А поскольку «ведение дел — великая премудрость — дар Божий»⁹, герой достаточно быстро поддается мысли о необходимости вникнуть в дело осужденного. Со своей стороны и француз инстинктивно ощутил восприимчивость полицейского чиновника к чужому страданию и, возможно, пониманию, что именно этот чиновник, несмотря на всю ничтожность своего положения, способен к точно такому же «выведению» по Библии, «что следует», как и Рыжов, будучи движим вдохновением и любовью к ближнему. Но иное дело — быть на деле готовым в любых обстоятельствах сообразовывать свои поступки с евангельскими заповедями и в частной, и в государственной жизни.

Кто воспламеняется любовью к Богу... ходя по земле, делает все так, как бы жил на небе, не встречая ни в чем человеческого препятствия к подвигам добродетели¹⁰.

Такой человек, согласно рассуждениям Иоанна Златоуста, не испытывает страха перед любыми житейскими невзгодами и проявляет бесстрашие, которое и является тем, что Отцы Церкви называют дерзновением:

Великое нам нужно тщание, чтобы знать, в чем состоит кротость и в чем дерзновение; тщание необходимо потому, что с этими добродетелями смешиваются пороки, с дерзновением — дерзость, с кротостью — малодушие... Итак, что такое кротость и что малодушие? Когда мы, видя других оскорбленными, не защищаем их, а молчим, это — малодушие; когда же, сами получая оскорбления, терпим, это — кротость. Что такое дерзновение? Опять то же самое, т. е. когда мы рабоборствуем за других. А что дерзость? Когда мы стараемся мстить за самих себя. Таким образом великодушие и дерзновение на одной стороне, а дерзость и малодушие — на другой¹¹.

Несомненно как дерзость восприняли губернатор и его окружение действия квартального Рыжова, осмелившегося в переполненном храме в присутствии всех чиновников и дворян города схватить губернатора Ланского за руку и во всеуслышание произнести: «Раб Божий Сергей! входи во храм Господень не надменно, а смиренно, представляя себя самым большим грешником, — вот как! С этим, — говорит далее Лесков, — он положил губернатору руку на спину и, степенно нагнув его в полный поклон, снова отпустил и стал навтыяжку» (28). И неожиданно для генерала эта дерзость опровергнута одним из чиновников, указавшим ему, что на самом деле Рыжов: «Самый смиренный: на шею ему старший сядь, — рассудит: “поэтому взять надо” — и повезет» (29). Еще большую, даже

неслыханную дерзость при поверхностном взгляде проявляет ничтожный полицейский служащий, рискнувший вступить за осужденного иностранца-француза, не православного, не имея, к тому же, кажется, никаких веских доказательств, и побуждаемый одним только внутренним голосом, явственно и настойчиво шептавшим ему: «...расспроси его, расспроси, послушай, да заступись» (36). «Я задумал измену» (37), — говорит главный герой «Пигмея» о своем окончательном решении помочь, и, указывая на неоднозначность этих слов, автор выделяет их курсивом. Действительно, как могло быть воспринято обращение чиновника через посредника во французское посольство, в которое строжайшим образом был закрыт доступ служащим в полиции? В разгар обострения отношений России с Францией, за два года до их разрыва, последовавшего в 1854 г., намерение оспорить несправедливый приговор вышестоящей власти, а в более широком контексте — императорской власти — могло расцениваться если не как измена, то по меньшей мере как неповиновение властям. «Кто не повинуется начальнику, тот противится Богу, учредившему начальства»¹², ибо «Бог вооружил начальников, дабы устрашали дерзких. Если бы не было совсем страха от начальников, до какого неистовства не дошли бы дерзкие люди?»¹³

Однако «закон положен не для праведника» (1 Тим 1:9), а с другой стороны, «не соболезнавать несправедливо страждущим, не гневаться на обижающих»¹⁴, исходя из буквы закона, есть «не добродетель, а порок, не кротость, а беспечность»¹⁵. Поэтому измена отечеству земному, хотя в данном случае и мнимая, не является изменой отечеству небесному. И знаком этого становится чувство героя, что он изменник и одновременно осознание, что так *Богу угодно* (также выделенные в тексте курсивом). С момента возникновения этой двойственности чиновник «уже словно не сам собою управляет» (37), а орудовало им какое-то вдохновение. Другими словами, измена, угодная Богу, явилась исходом колебания между внешним и внутренним, человеческим и Божеским, законническим (фарисейским) и евангельским (милосердием), т. е. выбором пути дерзновения, поскольку «*Любить* человека значит воздавать честь Создателю» [2, 377] — и христианское дерзновение немислимо без любви, выражающейся, как говорится в вышеприведенных словах пророка Исайи, не только в отказе от лукавства, но и в творении добра.

Заботой об оберегании царской власти объясняет свой дерзновенный поступок квартальный Рыжов: «Дабы видели все его слуг к вере народной почтительными» (32). Этим же в конечном итоге диктуется и поступок чиновника из «Пигмея», увенчавшийся успехом, поскольку за француза вступает сам император Николай I, отменяя несправедливый приговор. Можно с уверенностью утверждать, что Государь мог бы отреагировать именно таким образом¹⁶.

Это подтверждает хотя бы его речь, обращенная к депутатам петербургского дворянства 21 марта 1848 г., т. е. за четыре года до описанного события, в которой он, в частности, заявил следующее:

Господа! У меня полиции нет, я не люблю ее: вы моя полиция. Каждый из вас мой управляющий и должен для спокойствия государства доводить до моего сведения все дурные действия и поступки, какие он заметит¹⁷.

А как следует из речи императора далее, это необходимо было передать «всем и каждому»¹⁸. Чиновник из «Пигмея» как раз и является собой случай человека, осмелившегося или, точнее сказать, дерзнувшего (!) косвенно указать императору на совершающуюся несправедливость.

Знаком богоугодностиего поступка стало то, что, вернувшись домой и приняв известие об отмене наказания, чиновник ощутил в душе наряду со страхом еще и благодать: «...чего буду за мою измену удостоен, но и за беднягу французишку нарадоваться не могу» (41). Впоследствии, после кончины императора, он приходил ночью плакать у его гроба и свое «благодарю» сказывать «за то, про что мы с ним двое только из всех русских знали: он, мой царь, да я, — его изменник» (42). И слово «изменник», написанное уже без курсива, сигнализирует о новом значении, обретенном им в контексте поступка героя: оно указывает на результат его изменения. В «Однодуме» оно прочитывается во фрагментах биографии Рыжова, как внутренний духовный рост, мужание, работа Духа, скрытая от читателя, но доступная ему в источнике этого возрастания — Библии. В «Пигмее» явлен плод этого совершившегося возрастания через совершившееся соединение того, о разъединении чего так сетовал Лесков в «Однодуме» — христианского долга и долга служебного.

И в заключение, возвращаясь к определению героев как праведников, приведем несколько цитат из Ветхого и Нового Заветов, которые приоткрывают глубокий смысл той правды, следование которой ведет человека к спасению.

Блаженны алчущие и жаждущие правды: яко тии насытятся (Мф. 5, 6); Блаженни изгнани правды ради: яко тех есть царствие небесное (Мф. 5, 10); верова же Авраам Богови, и вменися ему в правду (Рим. 4, 3); Сказа Господь спасение Свое, пред языки откры правду свою (Пс. 97, 2); И правда Его на сынех сынов, хранящих завет Его (Пс. 102, 18).

Правда как живая вода, о которой Христос говорил и самарянке, давшей ему напиться из колодца; за правду страдают и гибнут, она ненавидима грешниками, но пострадавшие за нее обретут блаженство вечной жизни; Господь являет народам Свою правду, и только Ее они должны знать. Но есть и правда человеческая, искажающая правду Христову. Следовать же правде Христа, идя праведническим путем в надежде быть оправданным, значит, полагаться не на собственные умствования, но всецело предаваться Солнцу правды,

как именуется Христос во многих тропарях двенадцатых праздников. Это и делают герои Лескова, не смущаясь тем, что православие одного из них считают сомнительным, а слезы умиления другого, получившего по прошествии многих лет милостыню из рук дочери несчастного француза, спасенного им от наказания, воспринимают как чудачество заезжего иностранца.

Но важно отметить, что и в этой последней сцене, равно как и в разговоре Рыжова с генералом Ланским, раскрывается глубинный смысл дерзновения: «...послушание одного становится началом *общего* исцеления» [7, 241]: помня о милосердии, благодарный француз взлелеял его и в сердцах других. Не остается равнодушным и генерал Ланской, в сердце которого были задеты тончайшие глубокие струны: награда Рыжову «откликнулась» и «напророченной» Рыжовым наградой самому генералу, вне всякого сомнения сумевшему воспользоваться ею самым благородным образом¹⁹.

Повествование о безымянном полицейском чиновнике автор завершает восклицанием:

Как же за эти незаслуженные ощущения Бога хоть слезою не поблагодарить! (46).

И в этих словах героя нет ни самолюбования, ни самодовольства, ни умиления собой, но смирение и кротость, через которые также проявляется дерзновение к Богу. «Кротость есть признак великой силы, — пишет Иоанн Златоуст, — чтоб быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу»²⁰; «...будем помнить, что такое... кротость и малодушие, что дерзновение и дерзость, дабы, различая их друг от друга, мы могли благоугодно Господу провести настоящую жизнь и сподобиться будущих благ»²¹.

Примечания

¹ Неточная цитата. См.: История русской литературы XIX века.: В 3 ч. / Ред. В. И. Корovin. М.: Владос, 2005. Ч. 3 (1870—1890 годы). С. 434.

² Там же. С. 433.

³ Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 135. Сочинения Н. С. Лескова цитируются по этому изданию и указанному тому. Далее ссылки на него в тексте даются с указанием страницы.

⁴ Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1984. Т. 4. С. 469.

⁵ Там же. С. 470.

⁶ См. Грамматика Церковно-славянского языка. Конспект. Упражнения. Словарь. СПб.: Библиополис, 2007. С. 201.

⁷ Указанная цитата в тексте Н. С. Лескова дается с некоторыми неточностями.

⁸ Мудрые советы святителя Феофана из Вышенского затвора / Сост. прот. Алексей Бобров // Правило веры. М., 2003. С. 381.

⁹ Там же.

- ¹⁰ Иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константина града Златоустаго Избранные творения. Собрание поучений. Общество любителей православной литературы. Киев: Изд-во им. свт. Льва, папы Римского, 2006. Кн. 1. С. 226.
- ¹¹ Там же. С. 28.
- ¹² Там же. С. 402.
- ¹³ Там же. С. 404.
- ¹⁴ Там же. С. 406.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ О случаях проявленной справедливости свидетельствуют хотя бы ряд резолюций императора, например, от 29 ноября 1849 г. или 22 сентября 1850 г. — о наказании и даже разжаловании офицеров за жестокое обращение с солдатами и др. Следует упомянуть, что вопросам воспитания в целом император придавал огромное значение. В частности, говоря о критериях отбора студентов в университет, император особо настаивал на нравственном образовании. Подробнее см.: Император Николай Первый. М.: Русский мир, 2002. С. 283.
- ¹⁷ Там же. С. 275.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ С. С. Ланской был губернатором Костромы в 1830—1832 гг.; с 1950 г. стал членом Государственного совета и затем министром внутренних дел. Известен как сторонник и активный участник подготовки крестьянской реформы 1861 г. Незадолго до смерти действительно стал графом, как и предсказывал ему Александр Рыжов, кстати, также списанный с реального человека, однофамильца — квартального из Солигалича Костромской губернии.
- ²⁰ Иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константина града Златоустаго Избранные творения. Собрание поучений. С. 28.
- ²¹ Там же. С. 30.

Список литературы

1. *Брянчанинов И.* Поучение в неделю о слепорожденном [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azbyka.ru/dictionary/17/bryanchaninov_o_samomnenii_i_smirennomudrii-all.shtml.
2. *Григорий Богослов.* Собрание творений: в 2 т. Т. 2. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 688 с.
3. *Зеньковский В. В.* История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
4. *Лосский Н. О.* Характер русского народа. М.: Дарь, 2005. 336 с.
5. *Святитель Тихон Задонский.* Сокровище духовное, от мира собираемое. М.: Правило веры, 2003. 912 с.
6. *Седакова О. А.* Словарь трудных слов из богослужения. Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. 432 с.
7. *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни // Трубецкой Е. Н. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 17—336.
8. *Ужанков А. Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII века. Теория литературных формаций. М.: Изд-во Лит. института им. А. М. Горького, 2008. 528 с.

Natal'ya Petrovna Vidmarovich

*Doctor of Philology, Ordinary Professor,
Department of the Russian Language,
Chair of East Slavic Languages and Literatures,
Zagreb University
(Zagreb, Croatia)
natalija.vidmarovic@ffzg.hr*

IMPUDENCE AND BOLDNESS IN N. S. LESKOV'S STORIES OF THE RIGHTEOUS: CHRISTIAN ASPECT OF APPREHENSION

Abstract: The issue of frequent confusion of the notions of impudence and boldness in patristic texts is explained through the problem of confusing vice and virtue. In the context of virtuousness and sinfulness, these two notions became the focus of two stories from N.S. Leskov's cycle on the righteous: — *Odnodum* (*The Singlethought*) and *The Pygmy*, where they are crucial for understanding and interpreting the notion of official duty. Leskov's characters both show Christian mercy and prove a wonderful example of a Christian view of official duty, when every dutiful act turns into a higher service that requires true boldness. The choice between an act of justice and an act of mercy, therefore, turns into a choice between the word and spirit of law stemming from Evangelical lawfulness and legalism. In the context of the two approaches to justice, we also touch upon the question of royal service under Emperor Nicholas I.

Keywords: impudence, boldness, duty, betrayal, power, righteous man, police officer

References

1. Bryanchaninov I. *Pouchenie v nedelyu o sleporozhdennom* [*The Week's Lesson for the Man Born Blind*]. Available at: http://azbyka.ru/dictionary/17/bryanchaninov_0_samomnenii_i_smirennomudrii-all.shtml
2. Gregory the Theologian. *Sobranie tvorenii: v 2 tomakh* [*The Collected Works: in 2 Vols.*]. Vol. 2. Minsk, Kharvest publ.; Moscow, AST Publ., 2000. 688 p.
3. Zenkovsky V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [*The History of Russian Philosophy*]. Moscow, Akademicheskyy Proekt, Raritet Publ., 2001. 880 p.
4. Lossky N. O. *Kharakter russkogo naroda* [*The Character of the Russian People*]. Moscow, Dar Publ., 2005. 336 p.
5. Tikhon Zadonsky, St. *Sokrovishche dukhovnoe, ot mira sobiraemoe. Pravilo very* [*A Spiritual Treasure Gathered from the World*]. Moscow, Pravilo very Publ., 2003. 912 p.
6. Sedakova O. A. *Slovar trudnykh slov iz bogosluzheniya. Tserkovnoslavyano-russkie paronymy* [*The Dictionary of Difficult Words in Church Services: Church Slavic and Russian Paronyms*]. Moscow, Yu. A. Shichalin's Greko-latinsky cabinet Publ., 2008. 432 p.
7. Trubetskoy E. N. *Smysl zhizni* [*The Meaning of Life*]. *Trubetskoy E. N. Izbrannyye proizvedeniya* [*The Selected Works by Eugene Trubetskoy*]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998, pp. 17—336.
8. Uzhankov A. N. *Stadialnoe razvitie russkoy literatury XI — pervoy treti XVIII veka. Teoriya literaturnykh formatsiy* [*Stadial Development of Russian Literature, 11th — first third of 18th Century: Theory of Literary Formations*]. Moscow, Maxim Gorky Literary Institute Publ., 2008. 528 p.